

УДК 930.1:(94(430))

БОРЬБА ВОКРУГ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ СУДЬБА «MONUMENTA GERMANIAE HISTORICA»

А.В. Хряков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644077, Омск, проспект Мира 55-а
alexchrjakov@yandex.ru

Речь идет об одном из старейших проектов поиска и публикации немецких средневековых источников – Monumenta Germaniae Historica. В годы Третьего рейха историческое общество пережило серьезную трансформацию, будучи объектом притязаний со стороны многочисленных властных центров нацистского государства. Рассмотрены структура организации, положение сотрудников, а также роль отдельных президентов общества и их отношение с национал-социалистами. Особое внимание уделено пониманию руководством организации целей и задач медиевистики в новых политических условиях.

Ключевые слова: «Monumenta Germaniae Historica», медиевистика, Средние века, историческая наука, Третий рейх.

При рассмотрении различных аспектов истории немецкого историзма, его возникновения и эволюции чаще всего обращаются к университетской форме существования исторического знания в качестве одной из выдающихся его парадигм. При этом справедливо подчеркивается, что именно в рамках немецкого университета сложились такие необходимые институциональные предпосылки профессионализации исторической науки, как семинар и кафедра, ставшие залогом углубления специализации и приобретения историографией статуса полноценной научной дисциплины.

Однако уже в начале становления истории как профессиональной дисциплины существовала и иная форма профессиональных занятий историей – реализация крупных издательских проектов, связанных с поиском и публикацией первоисточников. Пожалуй, самым известным в этой области является проект «Monumenta Germaniae Historica» («Исторические памятники Германии» – MGH) или Общество для изучения ранней немецкой истории, основанное в 1819 г. по инициативе барона Генриха Фридриха Карла фон Штайна во Франкфурте на Майне. Целью его были поиск и публикация письменных источников по немецкой истории V–XV вв., что, по мнению немецких интеллектуалов, должно было стимулировать создание единого немецкого национального государства в границах бывшей Священной Римской империи, т.е. возвращение политически раздробленной Германии ее славной общей истории. Поэтому изначально в деятельности Общества присутствовала патриотическая ориентация, ярко выраженная в девизе организации «Sanctus amor patriae dat animus» (Святая любовь к отчизне укрепляет дух). Тем не менее внеуниверситетским учреждениям и прежде всего MGH уделялось значительно меньше внимания [Bresslau, 1921; Grundmann, 1969; Fuhrmann, 1996; Мэртль, 1995], чем университетской исторической традиции в Германии.

Схожая ситуация наблюдается и в развернувшейся в последнее время полемике относительно поведения немецких историков в годы Третьего рейха. Существование MGH в период гитлеровской диктатуры до сих пор остается вне поля зрения специалистов. Вместе с тем деятельность данного общества не только отразила основные организационно-политические тенденции развития науки в тоталитарном государстве, но и продемонстрировала такие редкие в те годы примеры личного мужества, интеллектуальной честности и научной добросовестности.

Вплоть до последнего времени в историографии господствовала та версия истории «Monumenta Germaniae Historica», что была разработана двумя президентами организации, возглавлявшими общество в 30–40-е гг. XX в.: Э. Штенгелем и Т. Майером. Оба в ходе процесса денацификации заявили о беспрецедентном давлении и шантаже со стороны нацистского руководства, угрожавшего прекратить деятельность MGH в случае их отказа возглавить общество. Кроме того, они неустанно говорили о сохранении в деятельности MGH всех стандартов научной деятельности [Schulze, 1989, S. 145–158; Nagel, 2005, S. 209–228].

Конечно же, возникший относительно «Общества для изучения ранней немецкой истории» образ «тихой гавани», приютившей историков-медиевистов, далек от действительности. Политика властей в отношении MGH была вполне сопоставима с политикой в отношении всей научно-

организационной среды и укладывается в рамки национал-социалистической научной политики. Как и подавляющее большинство немецких организаций, Общество стало предметом нешуточной борьбы между представителями различных властных центров нацистского государства. Но особенности внутренней организации МГН, ее высокий научный статус и длительная история существования серьезно трансформировали вызовы, исходившие от политических властей.

Уже основателями Общества были заложены те принципы его функционирования, которые с небольшими изменениями сохранились вплоть до нашего времени. Это прежде всего частный, независимый принцип существования общества и коллегиальный принцип руководства. После прошедшей в 1872–1875 гг. реформы управления во главе общества встала так называемая Центральная дирекция, состоявшая из представителей нескольких академий общегерманского пространства (Берлинской, Мюнхенской, Венской). Каждый из отделов МГН (*Scriptores, Leges, Diplomata, Epistolae, Antiquitates*) подчинялся одному из членов дирекции, именно они избирали президента, который являлся единственным государственным чиновником и получал из бюджета фиксированное жалование.

Сама система функционирования МГН способствовала известной свободе данного общества и проведению относительно либеральной кадровой политики. Выпускники университетов, молодые доктора наук практически не стремились участвовать в данном издательском проекте. Даже работа в архиве, не говоря уже об университете, оплачивалась много выше и считалась более престижной. Это открывало дорогу в МГН тем группам немецкого общества, которым по различным причинам чиновничья или преподавательская карьера была заказана. В разные периоды немецкой истории такие группы составляли представители еврейской нации, женщины, политические оппоненты власти. Работа в рамках Общества не требовала для продолжения научной карьеры высшей, докторской, степени, гораздо важнее были знание классических и современных языков, скрупулезное изучение источников, архивных фондов и колоссальная работоспособность. Это создавало возможности для коллективной формы работы с присущим ей разделением труда, а значит, с равновеликим вкладом всех в общий научно-исследовательский проект, что делало бессмысленной внутриорганизационную иерархию, подобную той, что существовала в рамках университетских кафедр. Кроме того, работа в МГН давала определенную степень свободы, благодаря которой сотрудники имели возможность заниматься собственными, не связанными с проектами общества, исследованиями.

Столетний юбилей организации, праздновавшийся в 1919 г., пришелся на не самое лучшее время, на период политического и экономического кризиса в Германии. В это трудное время МГН возглавил директор Прусского исторического института в Риме и генеральный директор прусских архивов Пауль Фридолин Кеер (1860–1944) [*Holtzmann, 1951*]. Условием своего назначения П.Ф. Кеер выдвинул «укрепление авторитета председателя». Послевоенная инфляция не позволила ему провести кардинальные перемены, тем не менее невозможными стали регулярные созывы Центральной дирекции, нередко противостоявшей председателю. Кеер упрекал Центральную дирекцию в том, что она злоупотребляла своим правом и подолгу не избирала председателя. Новый финансовый кризис и приход к власти Гитлера в 1933 г. позволили ему осуществить задуманное.

Многолетний руководитель научного учреждения Кеер учитывал в своей работе то, что произошло с исторической наукой за последние полвека. Стремительный рост исторического знания, его углубление и специализация сделали невозможным профессиональный охват всего исторического пространства одними лишь университетами, являвшимися центрами не только науки, но и преподавания. Наблюдая за ситуацией в естественных науках, где гораздо раньше осознали необходимость создания внеуниверситетских научно-исследовательских центров и академий, Кеер пришел к выводу, что медиевистика должна следовать в этом же направлении. В двух своих записках к новым властям он предложил новый вариант устава организации, в соответствии с которым она бы строилась на принципах единоличного управления и таким образом прекращалась бы практика коллегиального руководства в Обществе.

Согласно новому уставу с 1 апреля 1935 г. Общество получило новое название – Имперский институт древней немецкой истории. Центральная дирекция распускалась, а вся власть переходила к президенту института, напрямую подчиненного министру науки. Чтобы сохранить хотя бы иллюзию коллегиальности, создавался некий совет «почетных членов института» из 12 человек, приглашаемых по рекомендации президента из представителей основных немецких академий [*Reichs-*

institut..., 1937, S. 276–277]. Впервые в качестве задач института было объявлено не только издание средневековых текстов, относящихся к немецкой истории, но и исследование истории немецкого Средневековья. Кроме того, устав предполагал и изменение всей конфигурации внеуниверситетской науки в Германии. Теперь главе МГН подчинялся не только Немецкий исторический институт в Риме, ему также поручался надзор за Союзом немецких историков, территориальными историческими комиссиями и разнообразными обществами любителей немецкой истории и древностей. Все это делало новый институт предметом притязаний со стороны многочисленных центров власти в нацистском государстве.

Кеер полностью поддержал новый проект устава, заявив, что подобная централизация напрашивалась давно и что благодаря нововведениям «начнется новая эпоха и, как мы надеемся, новый расцвет» [Reichsinstitut..., 1937, S. 277]. По его словам, то, «в чем институт действительно нуждался, «новый устав удовлетворил полностью, он обеспечил прежде всего столь необходимое единство руководства в лице президента» [Kehr, 1935, S. 33]. Но после произошедшей в 1935 г. отставки П.Ф. Кеера в Имперском институте начался самый настоящий кризис управления. Поиски пригодного преемника, прежде сопровождавшиеся дискуссиями о профессиональных и личностных качествах претендентов, теперь дополнились требованиями оценки политических пристрастий ученых.

Кеер неоднократно заявлял, что президентом нового института должен стать историк права Карл Август Экхардт (1901–1974) [Kehr, 1935, S. 34]. В новых политических условиях он как никто другой подходил для этой должности: член СА с 1931 г., член нацистской партии с 1932 г., член СС с октября 1933 г. Кроме того, Экхардт обладал и весомым профессиональным опытом, в том числе публикационным, уже в 27 лет он стал профессором по истории немецкого права в университете города Киля [Niemann, 2004]. С октября 1934 г. Экхардт служил референтом в Прусском министерстве науки, воспитания и народного образования, в отделе высшей школы, отвечая за назначение претендентов на вакантные университетские должности по юридическим, экономическим, историческим специальностям. Он обладал правом беспрепятственного доступа к министру науки Бернхардту Русту, а также был в дружеских отношениях с руководителем СС Генрихом Гиммлером, с которым регулярно обменивался письмами.

Но хорошо известная гибкость, многочисленные связи и знакомства Кеера, не раз выручавшие его в трудные времена Веймарской республики, не позволили ему провести своего человека на пост президента. В ходе острой закулисной борьбы на партийные и научные заслуги Экхардта никто не обратил внимания, учитывались прежде всего личная преданность кандидата и аппаратный вес покровителя. Уже подписанное назначение Экхардта было отменено приказом Альфреда Розенберга, к которому за поддержкой обратился одиозный «фюрер» исторической науки Вальтер Франк (1905–1945), сыгравший в развернувшейся борьбе за пост президента МГН ключевую роль [Heiber, 1966].

В противостояние Франка и Экхардта была втянута практически вся верхушка нацистской Германии, включая Гитлера, который лично предоставил профессорство Франку и выступил против назначения Экхардта, заявив, что он имеет «совершенно неудовлетворительную точку зрения по еврейскому вопросу» [Niemann, 2004, S. 170]. Поводом для данного высказывания фюрера стала позиция Экхардта, изложенная им в 1934 г. в некрологе, посвященном Максусу Паппенхайму (1860–1934), своему предшественнику по кафедре в Киле. В своих бесчисленных интригах Франк не брезговал никакими средствами, в том числе откровенными доносами; именно в письмах к Розенбергу и Русту он указал на nepозволительные высказывания Экхардта [Niemann, 2004, S. 171].

Первого апреля 1936 г. новым главой Имперского института древней немецкой истории был назначен мало кому известный тридцатиднолетний вюрцбургский архивист Вильгельм Энгель (1905–1964). Он не был ни медиевистом, ни старым партийцем, в партию вступил вместе со многими другими «попутчиками» 1 мая 1933 г., но он был человеком В. Франка, который пренебрежительно называл сотрудников МГН не иначе как «торгашами пергаментов». Франк сумел продавить это назначение через нерешительного министра науки Руста. По мнению немецкого историка Х. Хайбера, Франку был нужен в параллельном институте такой человек, «который не будет опасен» [Heiber, 1966, S. 870].

В ноябре 1935 г. Энгель защитил докторскую диссертацию под руководством марбургского профессора Эдмунда Штенгеля. Уже в марте 1936 г. собственное министерство предоставило Эн-

гелю должность приват-доцента по средневековой истории и вспомогательным историческим дисциплинам в Берлинском университете, а летом того же года последовало назначение на должность экстраординарного профессора [Bünz, 2002].

В качестве главы MGH и Немецкого исторического института в Риме Энгель выступил с программной статьей «Немецкое Средневековье. Задачи и пути его изучения», ознаменовавшей выход первого после реформирования номера специализированного журнала «Немецкий архив по истории Средневековья». Новоиспеченный президент в самом начале своей статьи определил общественно-политические задачи исторической науки вообще и медиевистики в частности. Ссылаясь на события последних двух лет, новый руководитель MGH повсюду обнаруживал проявления «борьбы за новое содержание и новые формы» отдельных научных направлений. Демонстрируя свою приверженность национал-социализму, он заявил о том, что наука должна быть ориентирована на «немецкий народ и немецкий дух». Именно они являются конечной целью и масштабом задач и дел национально ориентированной науки [Engel, 1937, S. 4].

В этой публикации В. Энгель не столько постарался продемонстрировать значение Средневековья как одной из центральных эпох в мировой истории, сколько обратил внимание на инструментальный характер этого периода, подчеркнув его значение для борьбы за ресурсы между различными историческими организациями, учеными и поддерживающими их партийными и государственными инстанциями. По его словам, Средневековью необходимо вернуть в современном сознании заслуженное место как «ценной, живой и политически значимой эпохи национального становления немцев», для которых оно является начальным национальным этапом настоящего. Медиевистам и, соответственно, новому институту в таком случае необходимо всеми силами способствовать познанию и пробудить восхищение предметом своего исследования – Средневековьем [Engel, 1937, S. 5].

То, что ресурсы не безграничны, Энгель знал как никто другой, и потому борьба за них должна вестись сразу по нескольким направлениям. Он отметил стремительный рост в последнее время популярности ранней и Новой истории, что грозило Средним векам оказаться раздавленными первобытностью, с одной стороны, и современностью – с другой. Но, пожалуй, самые грозные слова Энгеля были обращены против многочисленных дилетантов от истории. Именно к ним относится тот раздел статьи, в котором новый глава института говорит о необходимости «добросовестного употребления методов исследования». Он выступает против «фразерства и туманных речей, против мнимого пророческого взгляда в прошлое, против пошлой банальности и романтической мечтательности, короче, против безответственного дилетантизма и ушлого бумагомарательства» [Engel, 1937, S. 6]. В суждениях Энгеля нет противоречий, как могло бы показаться на первый взгляд, его слова о приверженности идеалам объективности не являются ритуальными фразами. Он, как и большинство профессиональных историков, не видел ничего плохого во вмешательстве политики и власти в науку, тем более, что сам стремился поставить медиевистику на службу тем же целям, что и национал-социалисты. Авторитет науки, с его точки зрения, подрывают всезнайки, профаны, не имеющие академических степеней, именно то «оголтелое учительство», о котором так часто вспоминали немецкие профессора после падения Третьего рейха, обвиняя именно его в политической ангажированности исторических исследований [Rothfels, 1965].

По мнению Энгеля, власть должна обратиться именно к профессиональной науке, так как политическая ситуация требует «научной мысли», она велит заниматься самоотверженной и внимательной к деталям, кропотливой работой в тиши кабинетов. Она требует строгого соблюдения особых, выработанных в XIX в., методов исследования средневековых источников [Engel, 1937, S. 6]. Новый руководитель MGH всеми силами стремился показать нацистскому руководству особое положение средневекового периода в истории Германии, его важность и значимость для формирования немецкого народа и государства. По его словам, «сегодня мы переживаем новый великий поворот. Мы стоим на новом рубеже. Мерилом и путеводной нитью для нас сегодня являются лишь немецкий народ, его этничность и его Рейх» [Engel, 1937, S. 10].

Вне всякого сомнения, данная статья была призвана продемонстрировать лояльность и преданность нового президента MGH национал-социалистическим заповедям. По мере развертывания «гитлеровской революции» между разными историческими субдисциплинами и научными направлениями обострилась борьба за первенство, в которой принимали участие самые высокие представители нацистских государственных и партийных органов. Это заставляло историков (не только

медиевистов) напрямую обращаться к власти, пререкаясь и искать их расположения, требуя защиты и поддержки в борьбе за пресловутый «капитал», как символический, так и вполне реальный, доказывая практическую значимость предмета собственного интереса.

Энгель, занимая один из важнейших постов в немецкой историографии, хотя и ратовал на словах за объективность и строгую научность исторических исследований и стремился освободить медиевистику от политического вмешательства, сам включился во властную борьбу за контроль над исторической наукой и ее исследовательскими институтами. Выступая на стороне В. Франка, Энгель нажил себе множество врагов, и прежде всего в СС. Против него выступил не только К.А. Экхардт, не желавший смириться с назначением вюрцбургского архивиста на пост президента MGH, руководители научных ведомств СД были недовольны проводимой Энгелем кадровой политикой, позволявшей получить в институте работу неугодным ученым, прежде всего евреям [Löffler, 2001]. Весной 1937 г. руководство СД потребовало увольнения Энгеля из MGH.

С 1 ноября 1937 г. пост президента Имперского института перешел к научному руководителю Энгеля медиевисту из Марбурга Эдмунду Эрнсту Штенгелю (1879–1968). Несмотря на то что марбургский профессор вступил в нацистскую партию достаточно поздно, лишь в 1942 г., в глазах нацистских властей его фигура выглядела более предпочтительно, чем прежний исполняющий обязанности. Он обладал не только необходимой профессиональной подготовкой, но и нужными политическими связями. В назначении Штенгеля эсесовцы и лично Гиммлер приняли самое активное участие. В этой кандидатуре, по словам одного из научных референтов СС, их привлекало то, что «благодаря назначению Штенгеля данный Имперский институт вышел из-под влияния Вальтера Франка, чего не случилось бы при назначении Энгеля – креатуры Франка. Кроме того, Штенгель, являясь протестантом и демонстрируя в своих книгах ясную позицию в отношении исторической деятельности римской церкви, кажется, будет невосприимчив к католическому влиянию» [Löffler, 2001, S. 226].

Несмотря на поддержку нацистов и назначение на должность президента преобразованной MGH, Штенгелю также пришлось столкнуться с прямой конкуренцией со стороны В. Франка, не смирившегося с отстранением его ставленника. Франк с присущей ему тягой к авантюрам, разработал план объединения двух исторических институтов, конечно же, под его руководством. Э. Штенгель приложил колоссальные усилия для предотвращения этого. Охраняя независимость собственной организации, он заручился поддержкой весьма влиятельных лиц, в том числе обер-бургомистра Мюнхена рейхсляйтера Филера, министра Руста, и активно искал возможности для встречи с самим Гитлером [Nagel, 2005, S. 42]. По действиям Штенгеля стало понятно, что в бесцеремонности и находчивости он нисколько не уступал своему оппоненту. Тесные отношения с представителями верхушки нацистской партии и государства позволили Штенгелю отстоять независимость собственного института, но постоянные конфликты с Франком и контакты, которые требовали небывалого напряжения, серьезно вымотали его психологически, поэтому он довольно быстро согласился на предложение вернуться в родной Марбург [Nagel, 2005, S. 43].

В 1942 г. Штенгель покинул Берлин и вернулся на свою бывшую кафедру, а новым президентом стал Теодор Майер (1883–1972), расставшийся с ректорством в Магбургском университете. Способности последнего вместе с сильной волей и ярко выраженным самолюбием способствовали тому, чтобы его идеи нашли отклик в специфических общественно-политических условиях национал-социалистического государства.

Еще в 1940 г., сразу после победы над Францией и установления немецкого господства над Европой, Майер задумался о планах послевоенной реорганизации исторической науки не только в Германии, но во всей Европе. Учитывая последние результаты нацистской захватнической политики, Майер посчитал нужным сместить акцент с «общегерманского» на «общиноевропейское» понимание истории. Цель подобной смены перспективы была обусловлена тем способом аргументации, что базировался на национально ориентированной парадигме, согласно которой Германия в Европе всегда играла выдающуюся роль «силы порядка». Лишь в рамках «общиноевропейского» понимания истории станет понятной «положение и функции германского центра в Европе как принципа порядка и структуры» [Mayer, 1940, S. 21]. Новый подход должен был соответствовать актуальным политическим задачам, а значит, применяться к истории не только центрально-европейских держав (Германии и Австрии), но и всех европейских народов, имеющих общие германские корни.

Эти убеждения образовали идеологическую основу для научно-организационной деятельно-

сти Т. Майера на посту президента Имперского института древней немецкой истории. Концепцию европейского образа истории, который должен определяться немецкой исторической наукой, он признал важной «последней целью» [Maurer, 2008, S. 521].

Немецкий медиевист был уверен, что вслед за военным столкновением в Европе будет происходить духовная борьба. Если немецкая историческая наука хочет одержать победу в этой борьбе и претендовать на интеллектуальное руководство на континенте, она должна в захваченных странах создать научные опорные пункты. Еще в 1941 г., сразу же после окончания западной кампании немецкой армии, Майер обратился в Министерство науки, воспитания и народного образования с предложением создать в Париже Немецкий исторический институт, который сможет после окончания войны подтвердить ведущие позиции немецкой исторической науки в европейском пространстве [Grau, 1993].

Майеру мало что удалось реализовать из задуманной им программы реформирования MGH. В последние годы войны он приложил максимум усилий для эвакуации из Берлина, подвергавшегося постоянным авиаударам, библиотеки Имперского института в Поммерсфелден, что в Баварии, туда же было перевезено и собрание книг из Немецкого исторического института в Риме.

В сентябре 1945 г. Майер был арестован американцами и девять месяцев находился в лагере для интернированных. В декабре 1947 г. после долгого разбирательства суд, несмотря на многочисленные ходатайства и положительные отзывы коллег, признал немецкого историка «соучастником», запретив занимать любые государственные должности, в том числе претендовать на должность президента восстановленной MGH.

Двенадцатилетняя история Monumenta Germaniae Historica демонстрирует существование противоречия в научной политике Третьего рейха, противоречия между враждебностью национал-социалистической идеологии в отношении интеллектуального творчества, с одной стороны, и необходимостью конкретной научно-практической деятельности для нужд тоталитарного государства – с другой. Вследствие этого просматриваются две линии поведения нацистов в отношении исторической науки и одного из старейших научно-исследовательских институтов Германии. Первая предполагала полную «унификацию» историографии и замену старой, «объективистской», или «еврейско-либеральной», исторической науки новой, «борющейся». Вторая была связана с интеграцией консервативной националистической историографии Германии в структуры нового государства. Две эти тенденции проявились как в поведении власти, так и в закономерностях институционального развития немецкой исторической науки времен Третьего рейха.

В первые годы существования фашистского режима, безусловно, преобладала первая тенденция, обнаружившаяся в кадровой политике нацистов в отношении неугодных сотрудников учебных заведений и реформировании высшей школы. Об этом свидетельствуют ликвидация в 1935 г. Имперской исторической комиссии под руководством Германа Онкена, а также деятельность В. Франка и его Института истории новой Германии. Принятие в том же году нового устава MGH и превращение уважаемой организации в Имперский институт древней немецкой истории, сопровождавшееся перенесением на него фюрерских принципов руководства, нужно рассматривать в русле этой же политики.

Наряду с этой сугубо разрушительной практикой сначала неотчетливо, а после 1937 г. все более четко проявляется вторая тенденция – к сотрудничеству с профессиональной, по преимуществу националистически ориентированной, частью немецкого исторического сообщества. В рамках MGH об этом свидетельствует назначение на президентский пост профессоров Штенгеля и Майера, признанных специалистов в средневековых исследованиях, сделавших себе имя еще до прихода Гитлера к власти. Такая линия поведения нацистских властей объясняется прежде всего заинтересованностью государства в существовании профессиональной науки, а по мере приближения к 1939 г. эта заинтересованность возрастает, причем не только в естественнонаучной области, что вполне понятно, но и в гуманитарной.

Библиографический список

- Мэртль К. Monumenta Germaniae Historica: взгляд изнутри // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 95–111.
Bresslau H. Monumenta Germaniae Historica. Im Auftrage der Generaldirektion. Hannover, 1921.
Bünz E. Ein Historiker zwischen Wissenschaft und Weltanschauung: Wilhelm Engel (1905–1964) // Die Universität Würzburg in den Krisen der ersten Hälfte des Weltkrieg und dem Neubeginn 1945 / Hrsg. Von P. Baumgart. Würzburg, 2002.

- Engel W. Deutsches Mittelalter. Aufgabe und Weg seiner Erforschung // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 1937. 1. Jg.
- Fuhrmann H. «Sind eben alles Menschen gewesen». Gelehrtenleben im 19. und 20. Jahrhundert. Dargestellt am Beispiel der Monumenta Germaniae Historica und ihrer Mitarbeiter. München, 1996.
- Grau C. Planungen für ein Deutsches Historisches Institut in Paris während des zweiten Weltkrieges // Francia. 1993. 19.
- Grundmann H. Monumenta Germaniae Historica 1819–1969. München, 1969.
- Heiber H. Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschland. Stuttgart, 1966.
- Holtzmann W. Paul Fridolin Kehr // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 1951. 8. Jg.
- Kehr P. Die Preussische Akademie und die Monumenta Germaniae und deren neue Satzung. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften Phil.-Hist. Klasse. Berlin, 1935.
- Löffler H. Entwicklung und Aufgaben der Geschichtswissenschaft in Deutschland // Lerchenmüller J. Die Geschichtswissenschaft in den Planungen des Sicherheitsdienstes der SS. Der SD-Historiker Hermann Löffner und seine Gedenkschrift «Entwicklung und Aufgaben der Geschichtswissenschaft in Deutschland». Bonn, 2001.
- Mayer Th. Deutschland und Europa. Marburg, 1940.
- Maurer H. Theodor Mayer (1883–1972). Sein Wirken vornehmlich während der Zeit des Nationalsozialismus // Österreichische Historiker 1900–1945. Lebensläufe und Karrieren in Österreich, Deutschland und der Tschechoslowakei in wissenschaftsgeschichtlichen Porträts / Hrsg. von K. Hruza. Wien; Köln; Weimar, 2008. Nagel A. Ch. Im Schatten des Dritten Reichs. Mittelalterforschung in der Bundesrepublik Deutschland 1945–1970. Göttingen, 2005.
- Niemann M. Karl August Eckhardt // Die Juristen der Universität Bonn im «Dritten Reich» / Hrsg. von M. Schmoeckel. Köln, 2004. S.
- Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde (Monumenta Germaniae Historica). Jahresbericht 1934 // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 1937. 1. Jg.
- Rothfels H. Die Geschichtswissenschaft in den dreißiger Jahren // Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus / Hrsg. von A. Flitner. Tübingen, 1965.
- Schulze W. Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. München, 1989.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.08.2012

THE STRUGGLE OVER HISTORY IN THE THIRD REICH. THE FATE OF THE MONUMENTA GERMANIAE HISTORICA

A. V. Khryakov

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Mira ave., 55a, 644077, Omsk, Russia
alexchrjakov@yandex.ru

The article is devoted to the Monumenta Germaniae Historica (MGH) which is one of the oldest academic organizations in Germany. It was founded in 1819 for the search and study of German medieval historical documents. The MGH was reformed many times in its history, but it keeps group leadership and internal autonomy. It was seriously changed after Nazi came to power in 1933. The statute was strongly changed, the organization got a new name and the President of the Monumenta Germaniae Historica got the right to be a single leader. The MGH became a new imperial institute with new functions, which made it the subject for the struggle between different power centers in the Nazi state. Hitler, Rosenberg and Himmler personally interfered in the questions of the new President's appointment, and Frank who was the «leader» of historical science in Germany played the leading role in this struggle. As a result the appointment of the MGH President was connected with the struggle of different groups of the Nazi state and party. Nevertheless, many historians of the MGH had internal freedom and made independent research. Moreover, the decrease of research's fundung helped them to save the traditions of objective science and independent studies which allowed the Monumenta Germaniae Historica to keep its high authority and special internal atmosphere. The Nazi power gradually left its politics of the «unification» of historical science and stopped direct interventions to internal life of academic organizations in 1937. The new attitude of the power to the MGH led to the changes of leadership when the medieval historians E.E. Shtangels and later T. Mayer got the post of the President of the organization.

Key words: the Monumenta Germaniae Historica, Mediaeval History, the Middle Ages, historical science, the Third Reich.

References

Mehrtl K. Monumenta Germaniae Historica: vzgljad iznutri // Srednie veka. 1995. Vol. 58. Pp. 95-111.

- Bresslau H.* Monumenta Germaniae Historica. Im Auftrage der Generaldirektion. Hannover, 1921.
- Bünz E.* Ein Historiker zwischen Wissenschaft und Weltanschauung: Wilhelm Engel (1905–1964) // Die Universität Würzburg in den Krisen der ersten Hälfte des Weltkrieg und dem Neubeginn 1945 / Hrsg. Von P. Baumgart. Würzburg, 2002. S. 252–318.
- Engel W.* Deutsches Mittelalter. Aufgabe und Weg seiner Erforschung // Deutschen Archiv für Geschichte des Mittelalters. 1. Jg. 1937.
- Fuhrmann H.* «Sind eben alles Menschen gewesen». Gelehrtenleben im 19. und 20. Jahrhundert. Dargestellt am Beispiel der Monumenta Historica Germaniae und ihrer Mitarbeiter. München, 1996.
- Grau C.* Planungen für ein Deutsches Historisches Institut in Paris während des zweiten Weltkrieges // Francia. 19. 1993. S. 109–128.
- Grundmann H.* Monumenta Germaniae Historica 1819–1969. München, 1969.
- Heiber H.* Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschland. Stuttgart, 1966.
- Holtzmann W.* Paul Fridolin Kehr // Deutschen Archiv für Geschichte des Mittelalters. 8. Jg. 1951. S. 26–58.
- Kehr P.* Die Preussische Akademie und die Monumenta Germaniae und deren neue Satzung. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften Phil.-Hist. Klasse. Berlin, 1935.
- Löffler H.* Entwicklung und Aufgaben der Geschichtswissenschaft in Deutschland // Lerchenmüller J. Die Geschichtswissenschaft in den Planungen des Sicherheitsdienstes der SS. Der SD-Historiker Hermann Löffner und seine Gedenkschrift «Entwicklung und Aufgaben der Geschichtswissenschaft in Deutschland». Bonn, 2001.
- Mayer Th.* Deutschland und Europa. Marburg, 1940.
- Nagel A.Ch.* Im Schatten des Dritten Reichs. Mittelalterforschung in der Bundesrepublik Deutschland 1945–1970. Göttingen, 2005.
- Niemann M.* Karl August Eckhardt // Die Juristen der Universität Bonn im «Dritten Reich» / Hrsg. von M. Schmoeckel. Köln, 2004. S. 160–184.
- Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde (Monumenta Germaniae Historica).* Jahresbericht 1934 // Deutschen Archiv für Geschichte des Mittelalters. 1. Jg. 1937. S. 276–277.
- Rothfels H.* Die Geschichtswissenschaft in den dreißiger Jahren // Deutsches Geistesleben und Nationalsozialismus / Hrsg. von A. Flitner. Tübingen, 1965. S. 90–107.
- Schulze W.* Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. München, 1989.
- Maurer H.* Theodor Mayer (1883–1972). Sein Wirken vornehmlich während der Zeit des Nationalsozialismus // Österreichische Historiker 1900–1945. Lebensläufe und Karrieren in Österreich, Deutschland und der Tschechoslowakei in wissenschaftsgeschichtlichen Porträts / Hrsg. von K. Hruza. Wien/Köln/Weimar, 2008.